

П. В. ГерманКемеровский государственный университет
ул. Красная, 6, Кемерово, 650043, Россия

E-mail: lithos@mail.ru

**К ВОПРОСУ ОБ ОСОБОМ СОЦИАЛЬНОМ СТАТУСЕ ВОИНОВ
В РАННЕТАГАРСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

Исследователями тагарской культуры неоднократно ставились вопросы об уровне социального развития общества, дифференциации по статусу и имущественному положению ее населения [4; 6; 9; 10; 11; 14]. В разное время исследований выделялись рядовые погребения, погребения рядовых воинов и воинов с отличительными знаками, погребения родовой и племенной знати [1; 4; 6; 8; 10; 12; 14; 15]. В категории «воины» выделялись воины разных рангов, лучники и т. д. [9; 12]. Как правило, именно на группе воинов делался особый акцент при построении социальной стратиграфической колонки раннетагарского общества.

Наиболее обстоятельно воинов как особую социальную категорию рассматривали в своих работах С. В. Киселев, А. Н. Липский и А. М. Кулемзин. Эти исследователи были единодушны в мнении о том, что война занимала значительное место в жизни раннетагарского общества. Подтверждение тому они находили в погребениях мужчин с оружием. С. В. Киселев выделял воинов двух рангов – рядовых и особую группу хорошо вооруженных воинов, при которых имелись отличительные знаки (навершия). Кроме того, по мнению С. В. Киселева, «в ранних тагарских курганах все основные мужские погребения и даже часть женских содержат оружие» [6. С. 227]. А. Н. Липский добавил к воинской стратификации С. В. Киселева погребения воинов с ножными браслетами, которые являлись «военачальниками какого-то младшего ранга» [12. С. 317]. Кроме того, автор

отметил, что данная должность могла передаваться по наследству.

Еще более детализировал структуру воинского сословия в раннетагарском обществе А. М. Кулемзин, отметивший группу воинов, вооруженных луком и стрелами. По подсчетам автора, на баиновском этапе воины составляли 20 % от всех погребенных мужчин, на подгорновском этапе – 50 %, а на заключительном этапе тагарской культуры почти каждый мужчина являлся воином. Вслед за С. В. Киселевым А. М. Кулемзин отмечает: «...были и в Сибири свои “амазонки”... женщины-воины среди погребенных с оружием составляют 5 %, а среди лучников – 14 %» [10. С. 166].

Значительное место социальной стратификации раннетагарского общества уделено в своей работе Г. А. Максименков [13. С. 60–68]. Работа заслуживает отдельного внимания уже потому, что автором предпринята попытка стратифицировать общества, оставившие конкретные могильники. В частности, анализируя материалы могильника Гришкин Лог I, Г. А. Максименков разделил все мужские погребения на три группы, соответствующие людям с разным социальным статусом раннетагарского общества. В 1961 г. Г. А. Максименков, выступая на ежегодном пленуме, посвященном итогам полевых исследований, высказал мысль о том, что все мужчины, похороненные в могильнике Гришкин Лог I, являются воинами. Основой для такого вывода послужили непотревоженные мужские погребения

с оружием и большое количество ограбленных могил [13. С. 71]. Однако позднее автор изменил свою точку зрения. Как он считал, наиболее многочисленную группу составляли рядовые общинники, основной обязанностью которых являлось ведение хозяйства. В группу входили взрослые всех возрастов. Вторую группу составляют воины. Особенность их погребений выражается в наличии предметов вооружения, в то время как погребальные сооружения ничем от первой группы не отличаются. Это, по мнению Г. А. Максименкова, связано с отсутствием в данное время ярко выраженной имущественной дифференциации. Последняя группа представлена погребением мужчины с «необычными» вещами – каменный амулет, костяной псалий, кочедык и две подвески из клыков лисы. В данном погребении, по мнению Г. А. Максименкова, покоился человек, занимавшийся отправлением культа. В итоге автор пришел к выводу, что в раннетагарском обществе существовало социальное расслоение и четкое разделение общественных функций, но без имущественного неравенства. «Появление особой группы воинов свидетельствует о зарождении у тагарцев военной демократии и соответственно о патриархальных отношениях» [Там же. С. 73].

Ряд положений, высказанных Г. А. Максименковым, не бесспорны, особенно это касается выделения двух первых групп мужских погребений. По мнению автора, воины не принимали участия в хозяйственной деятельности, поскольку «если бы функции воина и пастуха были совмещены, то это нашло бы выражение и в погребальном обряде, и в инвентаре» [10. С. 72]. После этого утверждения становится не вполне ясным, что именно является «инвентарем пастуха». Анализируя мужские захоронения в аналогичном разделе по могильнику Черновая I, Г. А. Максименков в отношении могил без инвентаря писал: «...хотя и можно допустить мысль, что все до единой вещи были при ограблении изъяты, все же, скорее всего, там их и не было» [Там же. С. 99]. На чем основывается позиция автора в данном случае непонятно.

Таким образом, в отечественной историографии сложилось устойчивое мнение об особом социальном статусе воинов в тагарском обществе.

В рамках работы по систематике раннетагарских погребальных памятников, нами

был проведен анализ 455 погребальных комплексов, включающих 903 погребения взрослых. В работе использованы материалы раскопок Средне-Енисейской (Красноярской) и Сибирской экспедиций Ленинградского отделения Института археологии (Института истории материальной культуры) Российской академии наук, а также экспедиции Хакасского республиканского краеведческого музея. Автор выражает благодарность всем исследователям, предоставившим свои не опубликованные материалы для проведения данного исследования.

Для половозрастного анализа одиночных захоронений было учтено 511 погребений из 79 могильников. Здесь преобладают памятники аскизской (Есино, Верх-Аскиз и др.) и приенисейской (Гришкин Лог I, Подгорное озеро и др.) групп. В результате удалось выявить наиболее характерные компоненты мужских и женских погребений. Сравнение проводилось при помощи анализа по тенденции [3. С. 84–91]. Установлено, что отличия заключаются исключительно в категориях погребального инвентаря. Разница в погребальных сооружениях объясняется, в первую очередь, локальными, а затем уже и хронологическими различиями внутри этапа.

Далее приведем некоторые абсолютные и относительные показатели по погребальному инвентарю, встречающемуся в мужских погребениях. Было учтено 168 (100 %) мужских одиночных погребений. Среди категорий инвентаря, присутствующих в мужских погребениях наравне с женскими, следует отметить: полусферические бляшки – 66 (39,3 %), пуговицы – 8 (4,8 %), серьги – 6 (3,6 %), ножи – 35 (20,8 %), зеркала – 18 (10,7 %), украшения из золота или с золотой обкладкой – 15 (8,9 %), «парадный» инвентарь – 4 (2,4 %).

Следующие категории инвентаря являются частными для мужских захоронений по тенденции: застёжки – 3 (1,8 %), предметы неизвестного назначения – 5 (3 %). К частным чистым признакам, встречающимся исключительно в мужских погребениях, относятся: «ножной» браслет – 8 (4,8 %), вток – 11 (6,5 %), чекан (в данную категорию включены также топоры и кельты) – 30 (16,1 %), кинжал – 23 (13,7 %), наконечники стрел – 16 (9,5 %), обойма – 4 (2,4 %). Ряд категорий инвентаря по тенденции нехарактерны для мужских погребений:

бусы – 31 (18,5 %), подвески из зубов животных – 2 (1,2 %), шилья – 6 (3,6 %), гребни – 1 (0,6 %). Поскольку все четыре категории инвентаря в значительной мере характерны для женских погребений, имеет смысл остановиться на этом поподробнее.

Костяной гребень лишь один раз встречен в мужском захоронении – Есино I, курган 12, могила 1 (раскопки Д. Г. Савинова). Могила ограблена, никаких предметов, диагностирующих мужское захоронение, не обнаружено. Наиболее вероятно, что в данном случае допущена ошибка при определении пола, либо гребень оказался в могиле случайно.

Шилья встречены в мужских захоронениях 5 раз: в трех случаях это так называемое «шило-долото» (Бейка, курган 2, могила 1; Минусинск, могила 1; Архая I, курган 17, могила 1 – раскопки М. Л. Подольского, Ю. П. Алехина, Г. Н. Курочкина). При этом в двух первых могилах находилось оружие. В могиле 1Б кургана 2 могильника Шалгинов I (раскопки И. П. Лазаретова) находилась иголка и присутствовало оружие. Лишь в могиле 1 кургана 3 могильника Верх-Аскиз III (раскопки Н. Ю. Кузьмина) присутствовало шило с грибовидной шляпкой. Причем в последнем случае предметов, диагностирующих мужское захоронение, не обнаружено.

Подвески из зубов животных встречены дважды: Есино II (курган 5, могила 1) и Кичик-Кюзюр I (курган 6, могила 5) – раскопки Д. Г. Савинова, М. П. Завитухиной. Оба погребения ограблены, предметов, диагностирующих мужское захоронение, не обнаружено.

В категорию «бусы» входят цилиндрические и конические пронизи из бронзы, а также бисер из разного материала (кость, глина, камень, стекло, паста). В мужских погребениях наиболее часто встречаются бронзовые пронизи – 18 (10,6 %). В целом данная категория инвентаря в меньшей степени встречается в мужских, нежели в женских захоронениях, но не является диагностирующим показателем для обеих групп погребений.

Кроме вышеперечисленных составляющих мужского погребения, необходимо отметить, что в 44 (26,2 %) случаях в могиле, помимо останков погребенного, были обнаружены лишь керамические сосуды и кости животных, а в 5 (3 %) только керамические сосуды, в 7 (4,2 %) – только кости животных. Все подобные могилы полностью ограблены.

Итак, из 168 одиночных погребений мужчин в 42 (25 %) находилось оружие. Г. А. Максименков, после детального анализа погребений могильника Гришкин Лог, отказался от своего первоначального утверждения о том, что всех мужчин хоронили с оружием. На это, по его мнению, указывают материалы пяти нетронутых погребений, три из которых (могилы 2 и 5 кургана 9, а также могила 4 кургана 10) исследовал он сам и два (курган 2, могила 18 и курган 3, могила 21) С. А. Теплоухов еще в 1923 г. Остальные мужские захоронения могильника Гришкин Лог I либо серьезно потревожены, либо содержат оружие. По причине отсутствия в публикации чертежей двух погребений, исследованных С. А. Теплоуховым, сложно судить об их сохранности. Погребения кургана 9 объединяет наличие впускных покойников более позднего времени, что уже дает повод усомниться в целостности состава погребального инвентаря. К тому же в могиле 2 у основного покойника отсутствуют сосуды и останки сопутствующей пищи, которые, вероятно, перемещены в верхние слои. Таким образом, оба погребения кургана 9 не являются надежным источником, свидетельствующим об отсутствии оружия в мужских захоронениях. Что касается последнего погребения (курган 10, могила 4), то оно довольно необычно. Могила расположена в углу западной боковой пристройки. Это единственное известное нам погребение с подобной планиграфией (в тагарских погребальных комплексах боковые пристройки, в которых устраивали погребения детей и подростков, располагаются с востока). В погребении отсутствуют сосуды и сопутствующая пища. Среди инвентаря обнаружен бронзовый нож и полусферическая бляшка. Учитывая, в первую очередь, планиграфическую особенность, данное погребение следует отнести к нестандартным.

Обратимся к одиночным захоронениям мужчин, в которых отсутствуют признаки ограбления. В нашей выборке таких погребений 22. Из них лишь в трех случаях (Кок-Хая I, курган 1, могила 5 и Подгорное озеро, курган 6, могила 2, курган 7 могила 1) предметов вооружения при погребенном не было обнаружено. Во всех перечисленных погребениях костяки не потревожены (за исключением мелких костей), присутствуют керамические сосуды и останки сопутствующей

пищи. В могиле 5 кургана 1 Кок-Хая I (раскопки Е. Д. Паульса) было обнаружено 3 сосуда, бронзовые зеркало и нож, два мясных набора, а также грудина теленка. Все четыре погребения курганов 6 и 7 могильника Подгорное озеро (раскопки А. В. Давыдовой) вообще не содержали никакого инвентаря, кроме украшений (полусферические бляшки и бронзовые пронизи). Лишь о погребении 1 кургана 6 можно сказать, что оно подверглось ограблению. Особенно впечатляет конструкция единственного погребения в комплексе Подгорное озеро – в кургане 7. Могильная яма с деревянным полом, укрепленная срубом, была перекрыта огромной плитой, сверху которой был уложен мощный каменный панцирь (до 0,6 м высотой). Отсутствие украшений и инвентаря в подобном нетронутым комплексе вызывает некоторое недоумение, однако, основания для отнесения данного погребения к ограбленным отсутствуют.

Итак, 19 погребений из 42, содержащих оружие, не были ограблены. Получается, что ограблению подверглось чуть более половины (54,7 %) погребений «воинов». На общем фоне потревоженности раннетагарских могил (около 80 %) этот показатель является весьма низким. Если же исходить только из выборки непотревоженных погребений, как это сделал в 1961 г. Г. А. Максименков, то получится, что 86,4 % захоронений содержали оружие.

Другим важным источником для изучения воинских захоронений раннетагарского времени являются погребения с впускными покойниками. В некоторых парных и коллективных погребениях довольно часто исследователи обнаруживают останки одного или нескольких погребенных сдвинутыми к стенке могилы или же прослеживают стратиграфическую последовательность захоронения. В таких случаях следует констатация того, что не все покойники были помещены в могилу единовременно. Подобные захоронения называют впускными в могилу. Существуют значительные трудности определения первоначального количества погребенных в могиле, особенно если костяки оказываются перемешанными в результате ограбления. Но в тех случаях, когда последовательность захоронения удается установить, подобные погребения предстают в качестве весьма ценных источников.

Как правило, первоначально погребенного сдвигали к стенке могилы и на его место укладывали другого покойника. Подобные погребения являются наиболее информативными, поскольку если в дальнейшем происходило ограбление могилы, то останки сдвинутого к стенке покойника со всем его инвентарем грабители не замечали. Рассмотрим несколько примеров.

Первый из них – Бейка, курган 1, могила 1 (раскопки М. Л. Подольского). Погребенного мужчину спустя незначительный промежуток времени (связки еще были достаточно прочны) сдвинули к северной стенке и захоронили женщину (рис. 1, 1). В результате более позднего проникновения в могилу было потревожено и ограблено только женское захоронение.

Второй – Подгорное озеро, курган 37, могила 1 (раскопки Г. А. Максименкова). Здесь к северной стенке сдвинуты кости захороненного первоначально мужчины (рис. 1, 3). Ему принадлежали кельт, нож и полусферические бляшки, как минимум два сосуда, один из которых находился в ногах. Позднее в могилу подхоронили мужчину, к которому, вероятно, относится сосуд, находившийся между погребенными. Мясной набор из костей коровы и барана, вероятнее всего, относится к первому погребенному. Таким образом, изначально первый покойник располагался по центру могилы, маленький сосуд находился справа в ногах, большой сосуд – слева от головы, сопутствующая пища – слева в ногах. Подобная диспозиция сосудов и костей животных наиболее часто встречается в индивидуальных погребениях с двумя сосудами. Учитывая то, что костяк второго погребенного не был потревожен, надо полагать, что второму покойнику при погребении полагался лишь один сосуд.

Третий случай – Луговое, курган 3, могила 2 (раскопки Е. Д. Паульса). Здесь к первоначально погребенному мужчине были подхоронены вначале ребенок, а затем женщина и подросток (рис. 1, 2). Останки мужчины с его инвентарем (чекан и кинжал) были раздвинуты по углам могилы. При «впускниках» находился богатый инвентарь (ножи, шилья, зеркало, гребень, бусы, полусферические бляшки).

Итак, приведенные выше примеры показывают, что к погребенному с оружием могли подхоронить покойников разного пола и

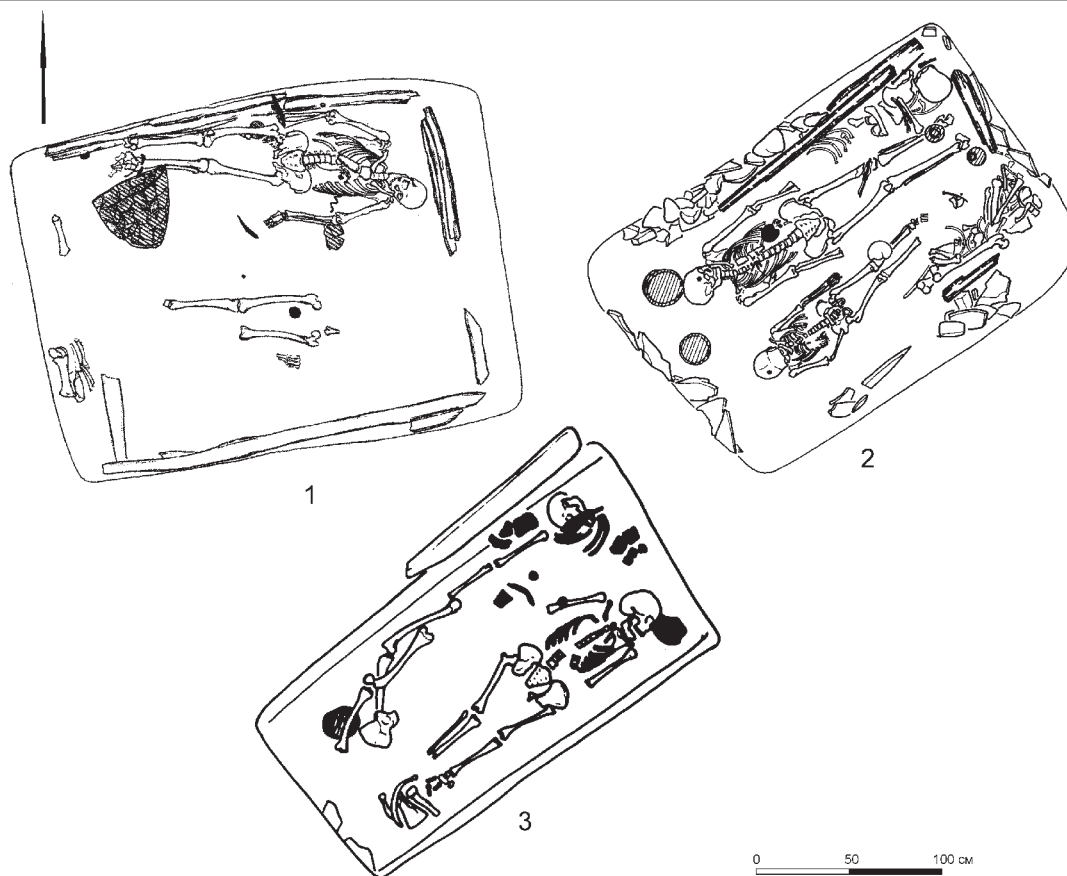

Рис. 1. Впускные захоронения со сдвинутыми костяками: 1 – Бейка, курган 1, могила 1; 2 – Луговое, курган 3, могила 2; 3 – Подгорное озеро курган 37, могила 1 (по М. Л. Подольскому, Е. Д. Паульсу, Г. А. Максименкову)

возраста. Следует отметить, что впускные захоронения носили нерегулярный характер. Они присутствуют на большинстве из рассмотренных нами могильниках, но с разной частотой. Как правило, «впускникам» не клали сосуды, мясную пищу и инвентарь. Достоверно не известно ни одного впускного захоронения с оружием, а если первоначально погребенного в могиле мужчину не ограбили, то при нем всегда находилось оружие. Кроме того, все фиксируемые случаи захоронения в одной могиле двух женщин или двух мужчин являются результатом совершения более позднего впускного захоронения.

Что касается датировки впускных захоронений, то при отсутствии у «впускников» инвентаря сделать это достаточно проблематично. Вероятнее всего, временной промежуток между захоронениями был невелик. На это в частности указывает наличие при погребенном его инвентаря, следовательно, подзахоронение могли осуществлять соплеменники. В приведенных примерах «впускники» лежали в вытянутом положении на спине (погребения со скорченными «впускниками» мы не рассматривали, их по тради-

ции относят к тесинскому времени; к тому же все погребения при наличии скорченных покойников были ограблены) и, как правило, с той же ориентировкой, что и основной покойник. По сути, сдвигая основного покойника к стенке и впуская еще одного, могила использовалась дважды для индивидуальных захоронений.

Результаты анализа погребений с впускными покойниками являются еще одним аргументом в пользу того, что мужчин в подавляющем большинстве случаев хоронили с оружием.

Для выявления характера сопряженности основных категорий инвентаря в мужских захоронениях нами была составлена таблица и построен граф. Вычисление коэффициента сопряженности производилось по формуле $K = (ab)^2 / A \cdot B$, где A – общее количество одного признака в выборке; B – общее количество другого признака в выборке; (ab) – количество случаев взаимовстречаемости обоих признаков [5. С. 50; 3. С. 98]. При анализе были исключены украшения, сосуды, а также инвентарь, не характерный для мужских захоронений по

тенденции. В первом случае анализу были подвергнуты все захоронения с оружием (рис. 2, 1), во втором – только непогребенные (рис. 2, 2). Сравнительный анализ двух графов подтвердил возможность выделения двух основных типов погребений по инвентарю.

Первый – чекан / топор / кельт + кинжал + нож + зеркало – является наиболее часто встречающимся комплексом в мужских захоронениях. Оружие рубящего и колющего действия как правило сочетаются. Среди неогранных погребений в половине комплексов с зеркалами встречались ножи. Наконечники стрел в погребениях подобного типа редки.

Второй – это чекан / топор / кельт + нож + зеркало + наконечники стрел + «предмет неизвестного назначения» (ПНН) + ножные браслеты (+ кинжал). Среди непогребенных погребений полный комплект встречен лишь однажды (Шалгинов I, курган 2, могила 1Б). Связь между ножными браслетами, ПНН и наконечниками стрел очевидна. Сюда же следует добавить немногочисленные находки шильев (шило-долото и иглолка). Во всех трех неогранных погребениях с шильями также присутствовали ножные браслеты, наконечники стрел и ПНН. На графе показана относительно низкая связь между инвентарем первой и второй групп. Это, в первую очередь, говорит о том что погребе-

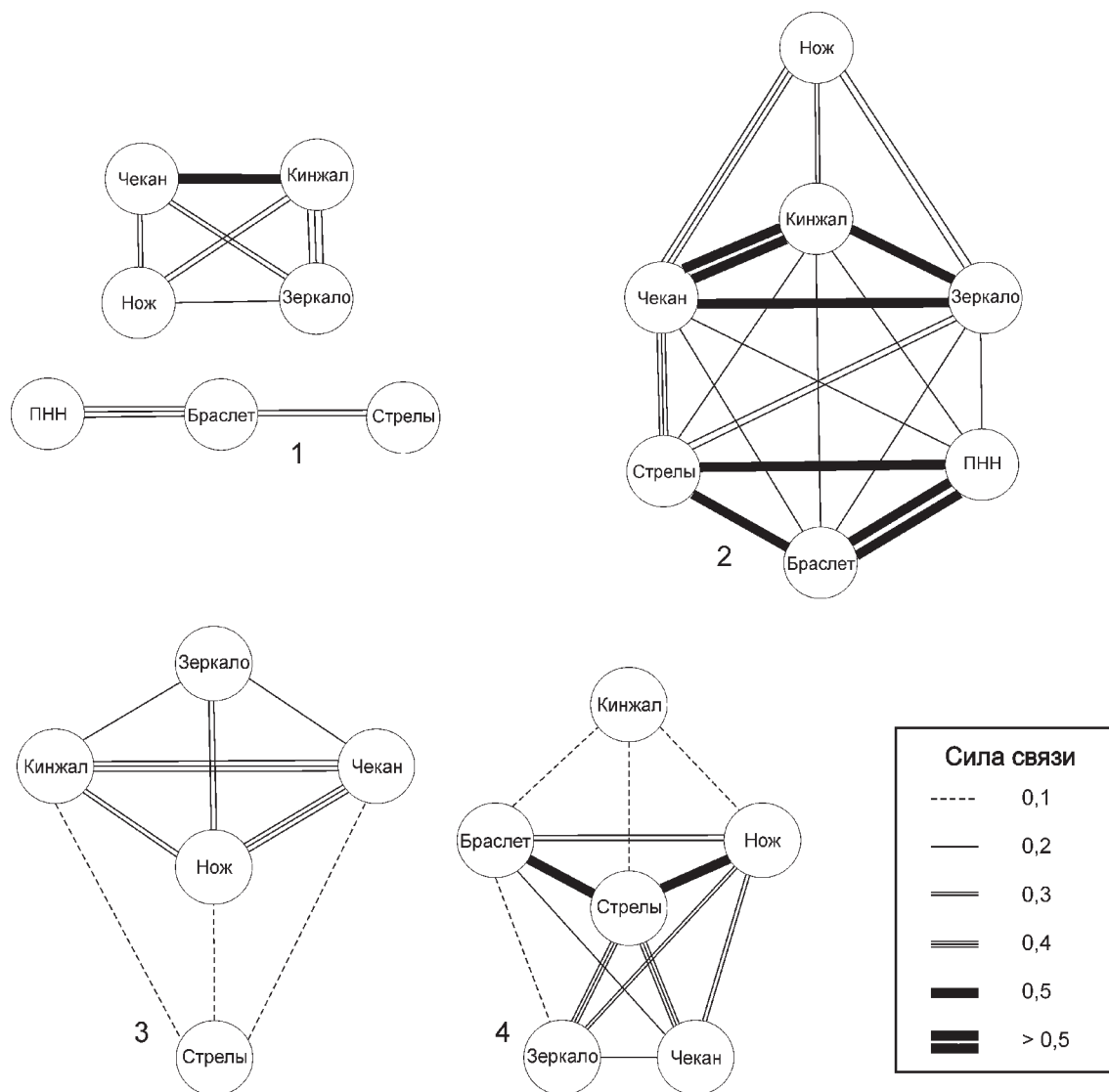

Рис. 2. Графы связи погребального инвентаря в погребениях с оружием: 1 – все одиночные погребения; 2 – все парные и коллективные погребения; 3 – все неогранные погребения; 4 – погребения комплексов «основной» модели; 5 – погребения комплексов «переходной» модели; в графах 1–3 слабые связи (0,1) не отмечены

ния с ножными браслетами и ПНН не характерны для данной выборки.

Анализ графов связи позволяет настаивать как минимум на двух группах погребенных, отличающихся по наборам инвентаря. Ядром второй группы являются наконечники стрел, «ножные» браслеты и ПНН, на основании которых ранее исследователи выделили отдельные категории воинов [10; 11; 12]. Позволяют ли результаты анализа данных графов подтвердить точку зрения исследователей? Для того чтобы ответить на поставленный вопрос был проведен сравнительный анализ погребальных комплексов по признакам погребений и дополнительных некрологических структур (оград).

В результате кластерного анализа погребальных комплексов (ПК), основанного на различиях оград по площади и количеству стел, было выделено три модели ПК раннетагарского времени. Модели ПК были сравнены между собой по тенденции. Ядро первой модели составили «гигантские» (от 210 кв. м) ограды с 10-ю стелами и конструкцией «вход». На основании признаков по всем компонентам ПК данная модель получила название «элитной». В нее вошли памятники, большая часть которых разными авторами причислялась к погребениям «элиты» тагарского общества (Тигей, курган 1; Тунчух, курганы 32, 33, 35, 37; ТЭЦ Абаканвагонмаш и др.) [2; 7]. В основе второй модели – «малые» (до 65 кв. м) ограды с количеством стел до четырех. Данная модель, названная нами «основной», представлена 276 комплексами (390 погребений), что составляет 60,6 % всех комплексов выборки.

Наибольший интерес в контексте поставленной проблемы представляет третья модель, которая представлена 17-ю комплексами (38 погребений). Это «большие» (111–209 кв. м) ограды с 6–8 стелами. Основным отличием данной модели памятников является высокий процент захоронений более двух человек в одной могиле – 10 (27,8 %). Частным признаком по тенденции являются случаи, в которых первоначальный состав погребенных неопределим. Погребения же с одним покойником нехарактерны для данной модели по тенденции. В погребениях модели очевидны изменения в погребальной практике – увеличивается размер могильных ям и количество погребенных в могиле, впускные захоронения являются уже устоявшейся

чертой обряда, неоднократное использование могилы со сдвижением к стенке костяков не позволяет определить первоначальное количество погребенных. Все перечисленные обстоятельства позволяют предполагать, что данная модель относится к концу раннетагарского времени и является переходной к комплексам следующего (сарагашенского) этапа тагарской культуры.

Все погребения данного массива ограблены, однако лишь два из них не содержали инвентаря. По сравнению с «основной» моделью гораздо выше степень встречаемости всех категорий оружия. Наиболее яркой особенностью является высокая частота встречаемости наконечников стрел – 19 (50 %), что даже по абсолютному показателю выше, чем в погребениях «основной» модели (19 против 14). Всего оружие находилось в 21-м погребении. Абсолютный показатель встречаемости «ножных» браслетов также высок – 10 (26,3 %) против 2 (0,5 %) погребений «основной» модели.

При выявлении характера сопряженности инвентаря в погребениях с оружием в ядре «основной» модели оказались кинжал и чекан, а в ядре «переходной» модели – наконечники стрел (рис. 2, 3–4; 3).

Итак, все вышесказанное позволяет сделать определенные выводы.

В женских погребениях предметы вооружения отсутствуют. Отмечаемые С. В. Киселевым и А. М. Кулемзиным случаи погребения «амазонок», вероятнее всего, связаны с неверным определением пола погребенного, либо с неудачной попыткой соотнесения инвентаря с конкретным покойником в парных и коллективных погребениях.

Большинство мужчин похоронено с оружием. Соотношение мужских погребений с оружием и без него среди неограбленных погребений составляет 19 (86,4 %) против 3 (13,6 %). Следующим важным аргументом являются погребения со сдвинутым к стенке покойником. В таких случаях при мужчине либо находилось оружие, либо не было ничего. Во втором случае очевидно, что при совершении впускного захоронения первый погребенный был ограблен. Даже если предположить, что среди мужского населения была определенная группа, которую хоронили без оружия, то необходимо признать крайне незначительное количество таких захоронений по сравнению с погребенными с оружием.

Как уже отмечалось выше, мысль о том, что все мужчины не только занимались хозяйством, но также являлись воинами, была высказана Г. А. Максименков в 1961 г. [13. С. 71]. Наше исследование является тому

подтверждением. Наличие в погребении предметов вооружения вовсе не является прямым указанием на занятия погребенного при жизни. В данном случае оружие, в первую очередь, следует рассматривать как

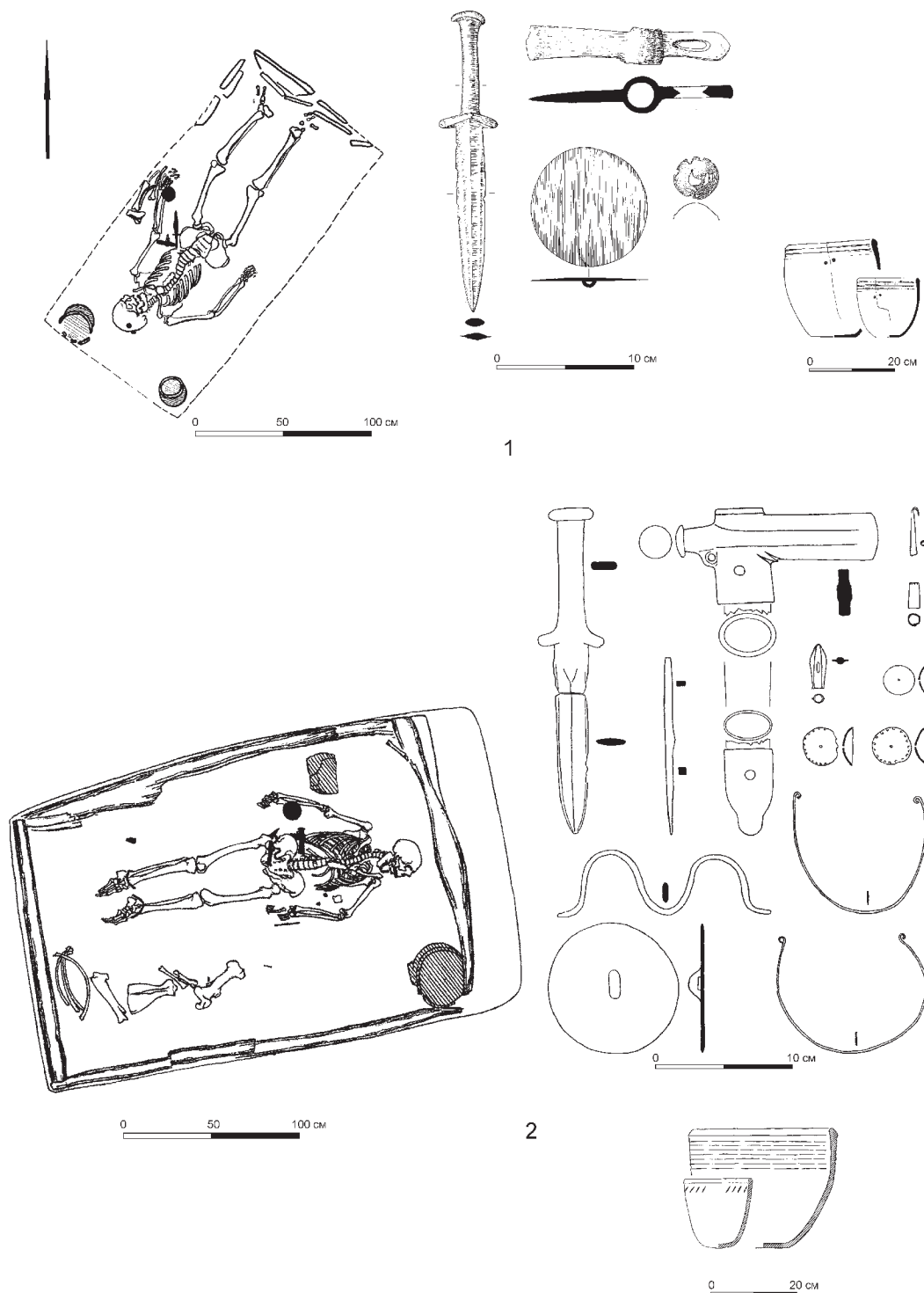

Рис. 3. Погребения с оружием в комплексах «основной» и «переходной» моделей
 1 – Гришкин Лог I, курган 16, могила 5; 2 – Бейка, курган 2, могила 1 (по Г. А. Максименкову, М. Л. Подольскому). Инвентарь – бронза и керамика

маркер половой принадлежности умершего. В погребениях получила отражение основная функция мужчины в обществе – защитник, воин, но не социальный статус или конкретное занятие. Что касается «особого статуса» лучников, проявляющегося в наличии специальной амуниции – «ножных» браслетов, то, как показывает опыт классификации погребальных комплексов, большинство подобных погребений относятся к переходному времени, в которое происходит становление новой погребальной практики – коллективных погребений. К тому же на следующем, сарагашенском, этапе тагарской культуры наконечники стрел, как и «ножные» браслеты, встречаются в большинстве склепов.

Таким образом, на материалах раннего этапа тагарской культуры, среди основной массы погребений мужчин не фиксируются отличия, позволяющие говорить об их профессиональной дифференциации.

Список литературы

1. Вадецкая Э. Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. Л., 1986.
2. Вадецкая Э. Б. Кара-Курген, Узун-Оба, Салбык, Большой Новоселовский (Версии о курганах вождей тагарских племен) // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху (Материалы заседаний «круглого стола» 22–24 декабря 1994 г., Санкт-Петербург). СПб., 1994.
3. Генинг В. Ф., Бунятян Е. П., Пустовалов С. Ж., Рычков Н. А. Формализованно-статистические методы в археологии (анализ погребальных памятников). Киев, 1990.
4. Грязнов М. П. Тагарская культура // История Сибири. Л., 1968. Т. 1.
5. Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников (возможности формализованного подхода). М., 1975.
6. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951.
7. Кузьмин Н. Ю. Курганы у деревни Новомихайловка. Проблемы изучения культуры степных племен Енисея V–III вв. до н. э. СПб., 1994.
8. Кузьмин Н. Ю. Курганы элиты тагарского общества // Элитные курганы степей Евразии в скифо-сарматскую эпоху (Материалы заседаний «круглого стола» 22–24 декабря 1994 г., Санкт-Петербург). СПб., 1994.
9. Кулемзин А. М. История вооружения и военного дела племен тагарской культуры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1973.
10. Кулемзин А. М. Некоторые факты разложения родовых отношений в древнетагарском обществе // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: Материалы конф. Кемерово, 1980.
11. Кулемзин А. М. Воины древнего тагарского общества // Археология Северной Азии. Новосибирск, 1982.
12. Липский А. Н. Погребение тагарских воинов на р. Биджа // СА. 1966. № 2.
13. Максименков Г. А. Материалы по ранней истории тагарской культуры. СПб., 2003.
14. Мартынов А. И. Лесостепная тагарская культура. Новосибирск, 1979.
15. Подольский М. Л. Местные и «инородные» элементы ранней тагарской культуры // Скифо-сибирское культурно-историческое единство: Материалы конф. Кемерово, 1980.

Материал поступил в редколлегию 15.12.2006